

<С. С. ДУДЫШКИН>

Г. Некрасов. — Новое издание его стихотворений. — Толки о нем и критическая статья о нем г. А. Григорьева <...>

По нашему обещанию, мы должны были бы продолжать разбор обличителей в этой книжке «Отечественных записок»; но просим у них извинения, что мы хотим на этот раз заняться иным предметом. В нынешнем году вышло новое, дополненное издание стихотворений г. Некрасова. В другое время выход этой книжки заставил бы встрепетаться литературу; а в наше развлеченное политическими событиями время никто и слова не сказал об ней. Между тем новому изданию уже скоро минет год, и, вероятно, оно так же скоро раскупится, как и прежние издания тех же стихотворений. Критика молчит, как будто г. Некрасов принадлежит к тем обличителям, которых стихи годятся только в сборники «Гражданских мотивов». Такое молчание журналов лучше всего доказывает или какую-то литературную усталость, или же совершенный поворот во вкусах публики. Последнему мы не верим, следовательно, остается в силе только первое предположение.

Библиографической оценки нового издания делать мы не будем, а всех желающих иметь точные библиографические указания о книге отсылаем к заметке, доставленной нам одним из наших внимательных библиографов*. Напоминать ли мне здесь, что уже было сказано

* Стихотворения Н. Некрасова. Издание третье. СПб. В тип. К. Вульфа. 1863. В б. д. л. Стр. в 1-й части 184 и во 2-й части 194.

В 1840 году вышел в Петербурге сборник стихотворений Н. Н. под затейливым названием: *Мечты и звуки*. В недавнее время этот сборник ужасных стихотворений, с чертями, ведьмами и т. п. сумбуром, был опубликован в продаже, с именем Н. А. Некрасова, книгопродавцем Апраксина двора Федоровым. Печатать свои произведения г. Некрасов начал в 1838 году в «Сыне Отечества», потом в «Библиотеке для чтения» (1839 г.) и, наконец, сделался ревностным сотрудником «Репертуара», издававшегося Песоцким и книгопродавцем Поляковым. Здесь г. Некрасов печатал очень много, частью с своим именем, частью под раз-

однажды (декабрь, 1861 г.) «Отечественными записками» по поводу стихотворений г. Некрасова?

Странное дело — нынешнее положение нашей литературы! Молодое поколение воспиталось и много добра почерпнуло из стихотворений г. Некрасова — и это поколение молчит о нем. Было, правда, несколько статей, но все они ничего не разъяснили, ничего не растолковали; они выражали то восторги, то удивление и могли бы быть названы не рецензиями, а одними восклицательными знаками или рядом междометий! Так мало было сказано молодым поколением для объяснения таланта, их воспитавшего.

Поэзия г. Некрасова, во множестве случаев дидактическая, поучительная, приправленная очень удобно энергически-желчными выходками против грязи и недостатков, окружавших молодое поколе-

ными псевдонимами. Очень жаль, что эти произведения своей юности он, по-видимому, предал окончательному забвению, а из них выбралось бы кое-что весьма порядочное.

В первый раз стихотворения г. Некрасова были изданы в 1856 году, в Москве, К. Солдатенковым и Н. Щепкиным. Издание это было раскушлено очень быстро, так что через год книжка продавалась по 5–10 руб., вместо первоначальной цены 1 р. 50 к. Вероятно, вследствие этого, при замедлении нового издания, она была целиком перепечатана в Лейпциге в 1858 году. На заглавном листе были сохранены имена московских издателей: вот до каких пределов доведена была тщательность перепечатки, хотя в самом тексте наделано было много корректорских упущений. Не лучше этого издания, в отношении неправильностей и опечаток, было другое, вышедшее также в Лейпциге, в 32 д.л., с некоторыми дополнениями и исправлениями стихотворений по рукописям, видимо неудовлетворительным. Здесь еще долго ждали *второго* издания, и оно явилось только в 1861 году, в двух частях. Хотя в заголовке было сказано, что оно печаталось *с издания 1856 года, с прибавлением стихотворений, написанных после этого года*, но на деле было не так. Может быть, наборщики, действительно, набирали по печатному экземпляру первого издания, но, кажется, этот экземпляр был неполный. Оплошность удивительная! Из стихотворений 1-го издания не были помещены во втором: *Отрывки из путевых записок графа Гаранского* (не вполне напечатанные и в 1-м изд.), *Новый год* и *Кольбельная песня*. Кроме того, сделаны были исключения из стихотворений: *Поэт и гражданин*, *Псовая охота*, *Нравственный человек*, *Прекрасная партия* и «исправлены» кое-какие мелочи.

Второе издание продавалось дорого — 2 р. 50 к. и напечатано было крайне безобразно. Крупный, разгонистый шрифт и множество пробелов, при маленьких полях, совсем испортили книгу.

Наконец в нынешнем году появилось третье издание, самое удовлетворительное во всех отношениях. Оно стоит всего 1 р., бумага и шрифт очень хороши и — главное — текст значительно пополнен. Хотя три исключенные при 2-м издании стихотворения не вошли и в это, но зато сокращения, сделанные в 1861 году, все восстановлены, кроме 6 строк в стихотворении *Поэт и гражданин*, в котором, впрочем, напечатаны 5 стихов, не бывших даже в издании 1856 года. Кроме того, действительно «исправлены» и дополнены стихотворения в 1-й части: *Отрадно видеть* (стр. 14), *Родина* (31), *Секрет* (34), *Вино* (51), *Муза* (57), *На родине* (88),

ние, имела успех, какой редко достается на долю поэзии. Благодаря энергии и желчи, поучительность, всегда скучная, особенно в стихах, имела успех. Эта сторона стихотворений, относительная, должна играть весьма важную роль в перипетиях нашего времени. Стихотворения г. Некрасова, толкуемые в тот же тон статьями Добролюбова, действовали сильно на юношество, и когда время снесет шумиху *безразлично на все* падающего негодования, стихотворения Некрасова оставят после себя очень видный *шаг* в развитии наших общественных чувств.

Другое дело, когда вы отнесетесь к этим стихотворениям, как к поэзии, как к всеобъемлющему началу высшего проявления правды в обществе. Тут вы увидите, в некоторых случаях, однообразие этой поэзии, увидите холодную рассудительность, частое отсутствие живых красок, без которых поэзия жить не может, но которые заменялись в стихотворениях г. Некрасова энергиею отрицания. Одним словом, вы увидите

Я посетил твоё кладбище (124) и во 2-й части: *Филантроп* (35) и *Саша* (43), но последнее стихотворение все еще представляет значительные пропуски.

Новых стихотворений против 2-го издания внесено в 3-е очень немного, в том числе: *Размышление у парадного крыльца* — стихотворение, напечатанное еще в 1861 году в одной из газет.

Из ранних своих произведений, как сказано, г. Некрасов не внес в издание своих стихотворений ни одного, не встречается еще и некоторых из стихотворений позднейшей эпохи, например: *Чиновник* (Физиология Петербурга, 1843), *Старушке* (Отеч. зап. 1845), *Признание труженика* (Совр. 1854 года и перепечатано с именем г. Некрасова в «Легком чтении»), *А. Е. Мартынову* (Совр. 1859), *Папаша* (Совр. 1861 года) и немного другие. Кроме того, сделаны исключения из напечатанных в «Современнике» стихотворений: *Старики* (1853) и *Тишина* (1857), а стихотворение *Буря* (1850) явилось во всех трех изданиях в исправленном виде, почти не имеющем ничего общего с первоначальной редакцией. К сожалению, в последнем издании не встречается также и стихотворение *Белинский*, года два или три тому назад напечатанное в одном из альманахов без подписи автора, но приписываемое всеми г. Некрасову.

Очень интересно сравнить первоначальный текст стихотворений г. Некрасова, в каком они появлялись в журнале, с текстом последнего издания. Это сравнение очень поучительно.

С 1848 по 1846 год г. Некрасов, между прочим, издал альманахи и сборники (здесь названы и те, на которых нет имени г. Некрасова, но издание коих ему приписывают): 1) Статейки в стихах без картинок (1843 года), 2) Физиология Петербурга — 2 части (1845), 3) Первое апреля, альманах (1846), и 4) «Петербургский сборник» (1846). Ему же приписывают составление сборника «для Легкого чтения», издававшегося с 1856 года А. И. Давыдовым.

Из прозаических его произведений, не касаясь напечатанных под псевдонимами, можно указать следующие: *Опытная женщина*, повесть (Отечест. зап. 1841) и *Необыкновенный завтрак*, рассказ (Отеч. зап. 1843) и в «Современнике»: *Новоизобретенная привилегированная краска Дирлинга* и К° (1850), *Тонкий человек* (1855), *Три страны света* (1848–1849), *Мертвое озеро* (1851) и статью о Ф. И. Тютчеве (1850). — П. Е.¹

не свободное отношение, не всесторонний взгляд на жизнь общества, а взгляд партизана известной доктрины, каким и был г. Некрасов в *последнее время*. Только в последнее время, заметьте это; в своих новых стихотворениях, не вошедших в третье издание, вроде *Зеленого шума*, г. Некрасов начинает уже освобождаться от этой доктрины. Насколько прежняя доктрина подействовала враждебно на талант г. Некрасова, было уже объяснено в статье «Отеч. зап.», и я возвращаться к этому предмету здесь не буду. Недостатки г. Некрасова — не его личные недостатки, а литературной партии. Выказав полное презрение к жизни, эта доктрина могла только все цвета жизни слить в один серый цвет. Для ученой статьи все это могло иметь свою цель; но таланту, который должен был иметь дело с частными случаями, фактами, доктрина могла дать одну силу негодования, приложимую ко всем случаям безразлично.

Таким образом, чутье народных нужд и скорбей, которыми владел г. Некрасов, обратилось в негодование на все, что грязно, глухо и немое было для высших потребностей жизни — и, кстати уж, и на все остальное; муза «мести и любви» сделалась только музою мести, а любовь должна была скрыться... Неприлично такой высокой доктрине любить что-нибудь в этом порядке вещей, который следует уничтожить по ее соображением, а поэт не может *без любви* быть поэтом! Вот в этом-то и драматическое положение!

Я не сочувствую этой узкой доктрине и потому не могу сочувствовать тем стихотворениям, где она применена наголо. Я нахожу эту доктрину несправедливою, следовательно, не могу считать истинными и те чувства, которые возбуждены ложною идеею.

Но, к счастью, эта искалеченность таланта, если можно так выразиться, — не относится ко всем стихотворениям г. Некрасова: везде, где Некрасов успевал от нее освободиться, он и по глубине чувства, и по энергии стиха становился первым нашим современным лириком. В его стихе живут наши новые потребности; он не принадлежит ни школе Пушкина, ни Лермонтова; талант его не так многосторонен и блестящ, чтоб сделаться полным и завершенным образцом для будущего; но в нем, более, нежели в ком-либо другом из наших современных поэтов, живут чувства, которыми должна питаться будущая поэзия; в нем столько энергии, что он может дать толчок поэтическим идеям. Он не так узок, как его последователи, которые за гражданским чувством не видят никакого другого чувства; он желает дать простор другим потребностям души, но эстетическая мертвечина той доктрины, которая опутала его, беспрестанно мешала ему размахнуться. Он не так, как г. Фет — талант блестящий, но весьма узкий и односторонний — не живет прежними традициями поэзии. У г. Фета все, и начало, и конец его поэзии, не идет дальше элегий Пушкина,

удивительных и неподражаемых по тонкости чувства. Г. Некрасов не старыми приемами руководствуется, как, например, г. Полонский, когда приходится ему столкнуться с обществом. У г. Некрасова звучит струна новая, и чем больше он будет давать ей простору, помимо нигилистических соображений, тем она будет издавать звуки сильнее и доступнее сердцу каждого. Следовательно, поэтической рутины, так сказать, у г. Некрасова нет никакой; этим он выше других. Но зато он слишком доктринер, если б можно было так назвать поэта, который замыкает в стихи учение какой-нибудь школы.

Я бы и покончил этими словами о г. Некрасове, если бы за «Отеч. записками» не числился маленький должок; мнение «Отеч. зап.» о таланте г. Некрасова, высказанное в 1861 г., подверглось нареканию в единственно дельной критической статье на стихотворение г. Некрасова — г. А. Григорьева. В своей статье о стихотворениях г. Некрасова (жур. «Время» 1862 г., июль) г. Григорьев заблагорассудил заподозрить мнение «Отеч. зап.» «в недоброжелательстве и журнальных дрязгах». Мы полагаем, напротив, что статьею г. Григорьева руководили «журнальные дрязги», в которых он купался. Читатель, конечно, забыл, но мы припомним, что в статье «Отеч. записок» выставлены были достоинства — сказано именно какие и показаны недостатки, какие находят «Отеч. зап.» в таланте г. Некрасова. Это-то свободное отношение к таланту и назвали «недоброжелательством». Пусть будет и так. Дело не в том, что «Отеч. записки» не все хвалили в г. Некрасове, а в том, что г. Григорьев, который решился, по-видимому, все хвалить, повторил за «Отеч. записками» их же замечание. Вот это интересно. Потому-то я намерен восстановить здесь кое-какую правду. Конечно, «Отеч. записки» не находили нужным отвечать на бездоказательные ухищрения, хотя такие возражения и были бы им очень полезны. Но если «Отеч. записки» не хотят входить в спор с г. Григорьевым, мне-то, неизвестному рецензенту, отчего же не заняться этим интересным предметом? Не поздно ли, спросят меня? Э, помилуйте! о чем же мы будем говорить в литературе, если такие крупные явления, как стихотворения г. Некрасова, будут проходить незамеченными или будут считаться недостойными спора? Ведь вот пересмотрите-ка наши толстые журналы, в них не было все это время ни одной статьи о г. Некрасове!

Дрязги журнальные, в которые погрузился г. Григорьев, заставили его видеть и в статье «Отеч. зап.» то же отношение к г. Некрасову, какое существует между журналами в их перебранках. Вследствие этого, придирки остались придирками, а сущность дела нисколько не тронутаю.

«Отечественные записки» видели во взгляде г. Некрасова на народ раздвоение вследствие двух доктрин, которым он подчинился в своей поэтической деятельности. Одна — когда он шел вместе с г. Тургеневым

и когда его лирические произведения были отголоском этого настроения; другая — когда он усвоил доктрину отрицателей, когда он критические статьи Добролюбова принял за руководящую нить в своих песнях. Вследствие этого и два тона в его стихотворениях. Это было *доказано* в «Отеч. записках», а так как «Записки» никогда не относились сочувственно к теоретическому отрицанию Добролюбова, особенно в применении к русской жизни, то понятно, что они не могли отнестись сочувственно и к тем стихотворениям (на тему «Песни о Еремушке»), в которых выражалась эта доктрина. Отсюда идет вся рецензия стихотворений г. Некрасова в «Отеч. записках», отсюда же и применение этих начал при отдельных стихотворениях.

Не вникнув в смысл рецензии, но вооружившись только против определения «Отеч. записок», что во втором периоде деятельности г. Некрасова часто *желчная раздражительность* заменяла истинную поэзию, г. Григорьев начал петь *чужую*, взятую из «Современника» песню о том, насколько желчь *полезна* (не пищеварению) поэзии, насколько она может быть самостоятельным двигателем в искусстве и проч., и проч. «Отеч. запискам» ставилось в укор, что они видят в г. Некрасове поэта с мирозерцанием *узким*, и т. д., и т. д. Говорилось, что г. Некрасов — поэт *народный*, в лучшем смысле слова, а «Отеч. записки» это отрицают, что он лучше Кольцова... Но что бы ни говорилось, лишь бы говорилось доказательно. Хуже же всего вот что: г. Григорьев повторил, полгода спустя, те же замечания, которые «Отеч. записки» сказали прежде его.

«Песни Некрасова — говорил г. Григорьев — сделались, без преувеличения, событиями...

Но все ли эти песни, действовавшие как события на молодое читающее поколение и как события, дразнившие до пены у рта поколение устарелое, — все ли они бывали так правильно жизненны, как две первые песни («В дороге» и «Огородник»)? Человек с *народным* сердцем, с таким же народным сердцем, как Кольцов и Островский (да простит он укору мне, *одному из жарких его поклонников*), всегда ли как Кольцов и Островский бережно хранил чистоту своего народного сердца? *Не кадил ли он часто личным раздражительным внушением и даже интересам минуты?* Всегда ли он *вполне сознательно* и объективно ставил себе свои мучительные вопросы? *Если нет*, то знал ли он, какой ответственности подвергается он пред судом потомства — он, неотразимо увлекавший своими песнями все молодое поколение?

Ведь уж надобно все сказать. Я не виню Некрасова в том, что молодое поколение в настоящее время никого, кроме его, не читало. Оно вообще ничего не читает, и друг мой, «ненужный человек», едва ли не был прав, назвавши свою циническую статью статью о распространении

безграмотности и невежества в российской словесности, — но в этом не виноват поэт, а виноваты его неумеренные и исключительные поклонники, вроде покойного Добролюбова и друг. Я виню Некрасова в том, что он иногда *слишком отдавался* своей “музе мести и печали”, руководился подчас слепо, бессознательно, стало быть, недостойно истинного художника, ее *болезненными внушениями*. Неужели ему самому любо, что наравне с высокими его песнями, поколение, на песнях его воспитавшееся, восторгается *бессмысленно и желчными* (!) пятнами вроде стихотворения о Двенадцатом годе, “Свадьбы”, сказания о Ваньке-рыжем, и проч., и проч. (Значит, их много?) Неужели ему люб такой безразличный и бессмысленный восторг? Ведь его впечатлительной натуре доступнее, чем многим другим, должна быть простая, но мученически выстраданная Гоголем истина — “с словом надобно обращаться честно”.

Было время, и не так еще давно было*, когда я, сочувствуя всем сердцем поэзии Некрасова, положительно ненавидел влияние этой поэзии на эстетическое, умственное и нравственное развитие молодого поколения, хотя очень хорошо сознавал, что не сама она, не поэзия виновата, а поэт, слепо к ней относящийся, и преимущественно его яростные поклонники. Ведь одной поэзии желчи, негодования и скорби *слишком мало для души человеческой*. Но теоретики (подразумеваются критики журнала “Современник”) решительно сумели уверить своих последователей, *что это одно только и нужно*. Своей “соблазнительной” ясностью они отучали их мыслить; своим последовательным азартом они отучали их чувствовать широко и много-сторонне» («Время» 1862 г., июль, стр. 18).

Здесь я становлюсь в тупик и уже решительно не понимаю, как тот же самый А. Григорьев, написавший, или, лучше сказать, повторивший, только вкратце, заметки из рецензии «Отеч. записок», мог писать и возражение на них. Казалось бы, вещь немыслимая — а оно так. Я уверен, что этому никто не поверит, а потому обязан указать на страницы, где это было сказано в «Отеч. записках» 1861 года, по поводу стихотворений г. Некрасова, именно: стр. 77, 78, 79, 80, 118 и 119. Там говорится об излишнем влиянии желчного раздражения на стихотворения г. Некрасова и о том, что вследствие этого влияния

* Мы припомним это время г. Григорьеву: это было в «Москвитянине» пятидесятих годов, когда он называл г. Некрасова не великим, как теперь, а *больничным* поэтом. Если не ошибаемся и память не изменяет нам, то такое прозвище дано было г. Некрасову от г. Григорьева по поводу стихотворения «В больнице». Впрочем, может быть, мы неверно сделали цитату, и потому, если г. Григорьев пожелает, пусть скажет нам, и мы справимся повернее.

поэзия г. Некрасова теряет характер многосторонности, ширины. Мотив ее однообразен до уныния. Но я продолжаю выписку:

«На наших глазах совершались и доселе еще совершаются идольские требы *теории*. Говорить ли о них? Факты всем известны».

Мы полагаем, что на эту именно теорию не только было указано в статье «Отеч. записок», но даже она была выведена наружу вследствие разбора «*Песни о Еремюшке*».

«Поэзия Пушкина, не говорю уже других, *меньших* — побрякушки, и, в конце концов, *поэзия вообще побрякушки*. Некрасов для теоретиков кумир — не потому, что он поэт, а потому, что он шевелит и раздражает. Не могу опять не спросить, любо ли ему, поэту с народным сердцем, поклонение теоретиков, отрицающих народность? Наконец, любо ли ему бессознательное поклонение молодой толпы, *эстетически развращенной до безнадежности* — поклонение разных фальшиво-эмансипированных барынь, которые, закатывая глаза под лоб, читают с пафосом:

Еду ли ночью по улице темной,

и извлекают из этого больного, хотя могущественного вопля души — безнадежнейшую философию распутства? (До этаких выводов из стихотворений г. Некрасова «Отеч. записки» не доходили.) Ведь уж скольким порядочным людям оскомину они набили этим стихотворением!

Да не оскорбится поэт этими укорами. Он знает очень хорошо, что они делаются критиком не во имя рутинной нравственности, и с другой стороны не во имя «искусства для искусства». Нравственна в поэзии — правда, и только правда; но зато уже требование трезвой, никому и ничему не льстящей правды от поэзии не должно тоже знать никаких каждений и никаких приличий. Правда поэзии никогда не должна быть личная или минутная правда. Поэзия — не простое отражение жизни, безразличное и безвыборное в отношении к ее бесконечно разнообразным случайностям, а осмысление, обобщение явлений. В том ее смысл, значение, законность, вечность — *вопреки учению теоретиков**, осудивших ее *пока* на рабское служение теории, а в будущем на конечное уничтожение *как вещи ненужной и бесполезной*, да вопреки же учению и эстетических гастрономов, обративших ее в какой-то *sauce piquante* жизни.

* Просим обратить внимание, что г. Григорьев всюду ополчается на это учение; мы тоже были несогласны с этим учением и, приложив это учение к г. Некрасову, сделали выводы о поэзии этого писателя. Тогда г. Григорьев ополчился на нас: «домашние дразги, мол» — вот и разберите логичность этого критика!

Вот почему везде, где поэт, и такой большой по натуре поэт, как Некрасов, увлекаясь минутным раздражением, не договаривает полной правды или *далеко переступает* пределы общей правды, *критика должна быть к нему беспощадна* («Время» 1862 г., июль, стр. 19).

Что вы будете говорить после этого с критиками, которые, повторяя ваши же мысли, вам же и противоречат!

Далее в «Отеч. записках» было высказано такое мнение, что отрицательное отношение к простому русскому человеку, к крестьянину, в котором «нет ни зерна человеческой жизни», что это отношение должно было мешать автору, когда он задумывал с сочувствием подходить к крестьянскому быту. И в «Коробейниках», и в «Крестьянских детях», и в «Власе» от этого вышло много реторики. И понятно; или проклиняйте жизнь, о которой вы говорите такими словами:

В нас, под кровлею отеческой,
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно;

или если в вас есть капля сочувствие к забитому, то не проклиняйте же его такими словами:

В пошлой лени усыпляющей
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

Что-нибудь одно, и из этой дилеммы выхода нет. Или в жизни нет ничего, кроме предмета для сатиры, тогда и выдерживайте роль сатирика; или в ней есть что-нибудь путное, и тогда поберегите ваши грозные проклятия для кого-нибудь другого. Эта двойственность подействовала вредно на талант г. Некрасова и повредила ему, когда он задумал стать в прямые отношения к народу.

Кажется, ясно. Г. Григорьев задумал тут приплести всякие сборники старинных русских песен и древнюю русскую литературу, которая будто бы извратила понятие «Отеч. записок» о народе и заставила выражаться таким образом о поэзии Некрасова.

Между тем что же сам г. Григорьев говорит? Он относится к отрицательному направлению «Современника» точь-в-точь так же, как «Отеч. записки»: всюду эстетическую доктрину Добролюбова называет «теоретической», а о народности Некрасова, как поэта, говорит следующее:

«Но народная натура поэта *тронута* цивилизацией... Страстная натура Некрасова вполне вдалась в *миражную жизнь* (Петербурга), и, нечего греха таить, часто поддавалась ей, испытывала как ее отрицательные влияния, то есть ужасы от пошлости, так, к несчастью, и положительные. Неизгладимая печать увлечений *миражной жизнью* легла на его произведения то *желчными пятнами*, то, увы! отзывами пошлых водевильных куплетов» (стр. 45).

Что ж это такое? Мы сказали, что отрицательное направление испортило поэзию г. Некрасова, и г. Григорьев признал это; мы показали фальшь по отношению к народной жизни — и г. Григорьев чует эту фальшь; мы логически приписали его *доктрине отрицание*, а г. Григорьев *миражной жизни Петербурга*. Ну, различие невелико, и довольство от этого самобытного вывода я с удовольствием представляю г. Григорьеву.

После всего этого рождается вопрос: не «миражная ли жизнь Петербурга» заставила и г. Григорьева писать против того, что он с «скрежетом зубным» должен сам повторить, хотя ему и не хотелось бы твердить зады после статьи «Отеч. записок»?

